

«дерзают» из 8-го стиха той же строфы, прямо и непосредственно связанным с «возлюбленной тишиной»: корабли «дерзают в море» за тишиной — когда царит последняя, любое плавание возможно. «Дерзают» означает: осмеливаются, мужают. Получается, что «тишина» не только придает смелость, она и способствует возмужанию, воспитывает.

* * *

Итак, топос «тишины» выражает в одической поэзии М. В. Ломоносова сложную и многозначную поэтическую идею, причем его смысловые оттенки, несмотря на их разнообразие, не противоречат друг другу и складываются в единое смысловое целое. И рассмотрев это смысловое целое в контексте истории русской литературы, нетрудно заметить его принципиальную близость к важнейшим традициям древнерусского искусства. Можно сказать, что содержание ломоносовского топоса в целом соответствует представлениям, определявшим культуру средневековой Руси.

Характеризуя раннее средневековье, И. П. Смирнов выделил как конститутивную черту данной эпохи конъюнктивность, которая проявляется в особой связи субъекта с объектом, когда первый становится со-объектом (т. е. «я» реализуется только в паре с «не-я»), в парности героев средневековой книжности, в несамодостаточности отдельных текстов (включение одних произведений в состав других) и т. д.¹⁸ Эта конъюнктивность организует не только формы литературного процесса, но и внутренний мир средневекового текста, определяя его эпичность (в смысле — эпическое состояние мира), так сказать коллективность.

Это прекрасно видно на примере «Слова о полку Игореве», традиционно считающегося классическим памятником Киевской эпохи.¹⁹ Скорее всего, он относится к немногочисленным дошедшим до нас образцам «придворной княжеской культуры, отличной от основного корпуса памятников литературы и искусства».²⁰ Естественно, что понятия чести, подвига и славы очень важны для его идейной структуры. Однако поступки героя оцениваются не его «рыцарским» поведением, а их пользой для национального мира, что, в частности, проявляется в лексике начальной части (выступление Игоря в поход), в «Золотом слове» Святослава, в оценке бегства Игоря из плена и др. Особенно это заметно в сравнении с западноевропей-

¹⁸ Смирнов И. П. О древнерусской культуре, русской национальной специфике и логике истории. Wien, 1991. С. 16—42.

¹⁹ Оставляю в стороне далеко не решенную проблему о так называемой «подлинности» «Слова о полку Игореве».

²⁰ Буланин Д. М. Античные традиции в древнерусской литературе XI—XVI вв. München, 1991. С. 29.